

9. Jones O. Chavs: The Demonization of the Working Class. London : Verso, 2012.
10. Savage M. Class analysis and social transformation. Buckingham : Open University Press, 2000.
11. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5–23.
12. Карханова Т.М., Бессокирная Г.П., Большакова О.А. Труд и досуг рабочих: программа, инструментарий и некоторые предварительные результаты повторного исследования // Институт социологии РАН. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3224> (дата обращения: 17.12.2018).
13. Jackson P.B., Berkowitz A. The structure of the life course: gender and racioethnic variations in the occurrence and sequencing of role transitions // The Structure of the Life Course: Standardized? Individualized? Differentiated? Advances in Life Course Research. 2005. Vol. 9. P. 55–90.
14. Tolson A. The limits of masculinity. London : Tavistock, 1977.
15. Показатели рынка жилищного (ипотечного жилищного) кредитования // Центральный банк Российской Федерации. URL: <http://cbr.ru/statistics/pdko/Mortgage/> (дата обращения: 17.12.2018).
16. Гаврилюк Т.В. Социальная мобильность и образ будущего молодежи в биографических нарративах успешности // Гаврилюк В.В., Мехришвили Л.Л., Скок Н.И., Гаврилюк Т.В., Маленков В.В. Особенности социальной мобильности молодежи XXI века. Тюмень : ТИУ, 2016. С. 8–54.

Tatiana V. Gavriluyuk, Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation).

E-mail: tv_gavriluyuk@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 49. pp. 101–113.

DOI: 10.17223/1998863X/49/11

THE LIFE COURSE OF THE NEW WORKING-CLASS YOUTH: THE REALITY AND NORMATIVE PATTERNS

Keywords: working class; working-class youth; life course; life strategies.

The subject domain of the study is life patterns and strategies of the Russian new working-class youth. Exploring the relationship between the new working-class studies and life course studies, this research combines the consideration of a life course as a structurally organized integrity with a phenomenological perspective on the study of life strategies. The notion of the “new working class” and the criteria for its definition have been proposed and substantiated. Biographical in-depth interviews of 31 young working-class representatives and a mass poll of 1532 respondents were used to focus on the implementation of class normative patterns and to determine their consistency with individual life strategies and with means by which these patterns are constructed and legitimized in the context of the structural strengths and constraints of society with an extremely high degree of social inequalities and the precarity of youth labour. To disclose the dominant normative patterns that structure the life course of the Russian working-class youth as the main research question of this article, the author considered the main life course trajectories (education, family and career) and sought to measure and understand the following aspects: normative temporal limitations and the preferred sequence of the main role transitions (finishing education, full-time job, first career promotion, marriage, having a first child); the correlation between the real and preferable time and sequence of role transitions; the preservation of traditional class distinctions within life course normative patterns or their inversion, differentiation or displacing by other patterns and values during the period of emerging adulthood. The study has shown the remaining significance and value of the traditional life course structures while current social conditions (wages, mortgage rate, the access to higher education and its quality, the interrelation between education and market requirements, etc.) do not allow to fulfil this life strategy any longer. The trendy normative patterns of the middle-class youth (refusal from institutional education, freelance jobs) are used as tools legitimating the existing class barriers, lack of access to education, fundamental lack of trust to major social institutions. Due to these reasons, young workers choose the adaptation and survival life strategies which restrict their professional and cultural potential realization and create a negative social mood.

References

1. Balibar, E. & Wallerstein, I. (1991) *Race, Nation, Class. Ambiguous Identities*. London, New York: Verso.

2. Boltanski, L. & Chiapello, E. (2007) *The New Spirit of Capitalism*. London; New York: Verso.
3. Toshchenko, Zh.T. (2018). *Precariat: ot protoklassa k novomu klassu* [Precariat: from a proto-class towards a new class]. Moscow: Nauka.
4. Global Wealth Databook. (2018) *Credit Suisse Research Institute*. [Online] Available from: <https://publications.creditsuisse.com/?referralUrl=http://publications.creditsuisse.com/index.cfm/publicationen-shop/research-institute/global-wealth-databook-2018-en/>. (Accessed: 17th December 2018).
5. Bennet, T., Savage, M., Silva, E., Warde, A., Gayo-Cal, M. & Wright, D. (2009) *Culture, Class, Distinction*. London: Routledge.
6. Shalev, M. (2008) Class Divisions Among Women. *Politics & Society*. 36(3). pp. 421–444. DOI: 10.1177/0032329208320570
7. Linkon, S.L. & Russo, J. (2016) Twenty years of working-class studies: Tensions, values, and core questions. *Journal of Working-Class Studies*. 1(1). pp. 4–13.
8. Zweig, M. (2000) *The Working-Class Majority*. Cornell University Press.
9. Jones, O. (2012) *Chavs: The Demonization of the Working Class*. London: Verso.
10. Savage, M. (2000) *Class Analysis and Social Transformation*. Buckingham: Open University Press.
11. Zaslavskaya, T.I. (1997). Sotsial'naya struktura sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Social structure of the modern Russian society]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 2. pp. 5–23.
12. Karkhanova, T.M., Bessokirnaya, G.P. & Bolshakova, O.A. (2014) *Trud i dosug rabochikh: programma, instrumentarii i nekotorye predvaritel'nye rezul'taty povtornogo issledovaniya* [The labour and leisure of workers. The program, instruments and some preliminary results of the repeated research]. [Online] Available from: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3224>. (Accessed: 17th December 2018).
13. Jackson, P.B. & Berkowitz, A. (2005) The structure of the life course: gender and racioethnic variations in the occurrence and sequencing of role transitions. In: Macmillan, R. (ed.) *The Structure of the Life Course: Standardized? Individualized? Differentiated? Advances in Life Course Research*, Vol. 9. Elsevier. pp. 55–90.
14. Tolson, A. (1977) *The Limits of Masculinity*. London: Tavistock.
15. Central Bank of the Russian Federation. (n.d.) *Pokazateli rynka zhilishchnogo (ipotechnogo zhilishchnogo) kreditovaniya* [Housing (Mortgage) Loan Market Indicators]. [Online] Available from: <http://cbr.ru/eng/statistics/default.aspx?Prtd=ipoteka>. (Accessed: 17th December 2018).
16. Gavriluk, T.V. (2016) Sotsial'naya mobil'nost' i obraz budushchego molodezhi v biografiche-skikh narrativakh uspekhov [Youth social mobility and the image of the future in the biographical narratives of success]. In: Gavriluk, V.V., Mekhreshvili, L.L., Skok, N.I., Gavriluk, T.V. & Malenkov, V.V. *Osobennosti sotsial'noy mobil'nosti molodezhi XXI veka* [The specificity of youth social mobility in the 21st century]. Tyumen: Industrial University of Tyumen. pp. 8–54.

УДК 316.733

DOI: 10.17223/1998863X/49/12

М.О. Гузикова

ПОЛИЯЗЫЧИЕ В ДВИЖЕНИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ФЕНОМЕНА¹

Ставится задача проследить, в какой мере такой феномен человеческой культуры, как полиязычие, изменяется на протяжении жизни человечества, известной нам из письменных источников. Анализ факторов, влияющих на качество полиязычия, проводится в русле теории социальных изменений. На основе проведенного анализа сделан вывод, что в условиях глобализации полиязычие становится эмерджентным феноменом, дающим системный эффект в глобальном масштабе.

Ключевые слова: полиязычие, эволюция полиязычия, эмерджентность.

Введение

Язык – это основной механизм коммуникации людей в социуме. Ученые на протяжении уже более полувека ведут жаростные споры по поводу того, является ли язык встроенным в человеческий мозг, врожденным механизмом, или приобретается посредством научения. Последователи нативизма подвергаются критике со стороны когнитивистов и функционалистов [1], однако все ученые разделяют убежденность в том, что человек рождается с инстинктом коммуникации, а язык развился на протяжении многих столетий как основной способ обслуживания данного инстинкта. Человек – далеко не единственное животное, обладающее языком. Однако между языком человека и других животных есть принципиальные различия: мы изъясняемся главным образом посредством речи, для чего наш голосовой аппарат претерпел значительные изменения в процессе эволюции, наша речь обладает синтаксисом. Кроме того, человек использует язык произвольно, а не для обслуживания сиюминутной ситуации, и человеческий язык – это не набор элементов, необходимых для передачи информации в той или иной ситуации, а открытая система, обладающая «достраиваемостью» [2]. По-видимому, именно свойство «достраиваемости» и привело к тому, что даже если протоязык и существовал, то с того момента, как люди начали расселяться по земле и одни группы стали удаляться от других, языки стали трансформироваться и отличаться от своего первоисточника.

Как следует из мифа о Вавилонской башне, Бог, разгневавшись на людей за постройку огромного зиккурата, решил разделить их, лишив общего языка. Этот миф отражает ситуацию полиязычия, наблюдаемого в социуме. Люди разных народов говорят на разных языках, язык – один из основных факторов, определяющих принадлежность к той или иной этнической группе, отделяющий своих от чужих. Оставляя за скобками этой статьи многозначность понятий «язык» [3] и «родной язык» [4], примем за точку отсчета, что каждый из нас владеет родным языком, т.е. коммуникативным репертуаром, обеспечивающим наше взаимодействие со средой, в которой мы находимся, и приобретаемый нами в ходе взаимодействия с представителями этой среды в период до так называемого критического возраста (8–11 лет).

---

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 17-29-09136/18.

Известно, что овладение языками других этнических групп – это явление, сопровождавшее человечество на протяжении его истории. Такое взаимодействие происходило ранее и происходит постоянно в наши дни. Полиязычие возникает в контактных зонах: социальных пространствах, где культуры встречаются, сталкиваются и переплетаются [5]. Кроме того, интерес к овладению языками других народов может быть не прямым, как при непосредственном контакте, а опосредованным, так как диктуется желанием или необходимостью использовать достижения культуры других народов. Глубина владения чужим языком может быть различной, полиязычие может принимать разные формы: пиджины, креолизация, лингва франка и т.д. В настоящей работе ставится задача порассуждать о том, как полиязычие изменялось в течение человеческой истории и можно ли утверждать, что сегодня полиязычие представляет собой качественно и количественно иной феномен, чем в прошедшие периоды известной нам в письменных памятниках человеческой истории. Исследование фокусируется на факторах, влияющих на возникновение и развитие полиязычия и на его характеристики в тот или иной период. Полиязычие при этом понимается и как феномен, наблюдаемый в социуме, и как набор разнообразных практик, в ходе которых индивиды и / или их группы обнаруживают частичное или полное владение и / или использование языка, не являющегося родным.

Методы исследования

Мы понимаем язык как часть человеческой культуры, как базовый механизм человеческой коммуникации. В настоящий момент зарегистрировано около семи тысяч языков. Как утверждают ученые, для большинства людей сегодня владение несколькими языками является скорее нормой, чем исключением. В данной статье мы пытаемся увидеть, отличается ли полиязычие сегодня от полиязычия в прошлом и в какой мере. Если такие изменения фиксируются, то необходимо проанализировать, что послужило их причиной и движущими силами. Приобрело ли полиязычие иное качество, и какие факторы способствовали этому? Вопрос о возможном новом качестве полиязычия в мире ставится потому, что, как показывают опросы, проведенные автором в различных странах мира, коммуникативным стандартом в представлениях людей остается моноязычие. К примеру, датчане, которые с самого раннего возраста погружены в полиязычное медийное пространство, считают свою среду моноязычной. То же мнение высказывают студенты и преподаватели китайских университетов, общающиеся на английском языке и говорящие не только на путунхуа, но и на локальных диалектах. Такое восприятие обусловлено как минимум двумя факторами. Во-первых, становление и развитие национальных государств связано с внедрением языковой идеологии «одна нация – один язык» и появлением моноязычного образа мышления [6]. Во-вторых, так называемое «чистое» дву- и полиязычие, детский или естественный би- и мультилингвизм как практика попеременного использования двух языков и более с детства, приобретенная в среде носителей языков, встречается не так часто, как искусственное полиязычие, возникающее после критического возраста, когда возможно овладение языком как родным. Искусственное полиязычие, подразумевающее приобретение иноязычных навыков после

того, как затухает способность приобретать язык в ходе естественного общения, часто бывает частичным и потому не воспринимается как полноценное владение другим языком.

Методологически в своих рассуждениях мы опираемся на разработки в области социальных изменений. Теоретические подходы к описанию социальных изменений подразделяются на эволюционные (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм и др.), революционные (П. Сорокин, В. Парето, Т. Гарр и др.), циклический (Д. Вико, Н. Кондратьев и др.) и миросистемный подходы (Э. Валлерстайн), а также концепции развития. Задачей исследователя того или иного социального явления или процесса является установление причин или факторов изменений [7]. Изменения могут быть вызваны эндогенными и экзогенными факторами и протекать в таких формах, как трансформации, кризисы, реформы и пр. По типам социальные изменения подразделяют на морфогенетические, ведущие к новым состояниям сообществ, и трансмутационные (количественные и качественные изменения). Изменения могут происходить на разных уровнях общества: глобальном, уровне крупных социальных групп, институциональном и уровне межличностных отношений. Они могут быть кратковременными, долговременными и постоянными. В настоящей статье выдвинута гипотеза о том, что несмотря на то, что полиязычность можно считать константой человеческого общества, так как оно наблюдается на всех этапах его развития, сегодня можно говорить о приобретении объектом исследования морфогенетических характеристик и возникновении эмерджентности, т.е. новой совокупности свойств, дающих системный эффект в глобальном масштабе [8].

Результаты и дискуссия

Несмотря на то, что полиязычие часто воспринимается как относительно недавний феномен, возникший в связи с процессом глобализации, ученые постоянно указывают на то, что скорее моноязычие – это феномен, возникший не так давно по меркам человеческой истории в связи со становлением национальных государств, которые с целью поддержания государственного суверенитета влияли на возникновение многоязычной идеологии [9]. Сегодня в мире число полиглотов преобладает над числом моноглотов. Ситуация полиязычия скорее типична для человеческой истории, чем созданная национальными государствами западноцентричная модель моноязычия. Парадигма отношения к языку как к закрытой моносистеме подверглась эрозии во второй половине XX в. Изменения многоязычной парадигмы происходили в широком контексте критики общества в том виде, в котором оно сложилось в западной цивилизации в XVIII–XIX вв. Эта критика звучала как изнутри западной цивилизации, так и извне. Социологи языка выступали против признания языкового стандарта единственной легитимной версией языка [10] и против того, чтобы моноязычие имело более высокий статус в обществе, чем полиязычие. Феномены полиязычия, привлекавшие к себе все больше внимания в последние десятилетия XX в., описывались поначалу в терминах моноязычной языковой парадигмы, но этот подход подвергался все большей критике. В этот период полиязычие стало широко обсуждаемым явлением, и не

только в научной среде¹. Рост интереса к этой теме происходил в контексте дискурсов глобализации, глобальной мобильности, глобального рынка, транснационализма и суперразнообразия.

Исследователи, изучающие полиязычие, придерживаются разных точек зрения по поводу изменений, которые его коснулись. Надо сказать, что размышления об эволюции полиязычия наталкиваются на ряд объективных ограничений. Полиязычие существовало и существует как в культурах, где есть письменность, так и там, где письменных источников нет либо они утеряны. В тех случаях, когда письменность отсутствует или источники утеряны, установить наличие или отсутствие практики полиязычия сложно. Необходимо упомянуть, что работ, рассматривающих эволюцию полиязычия на протяжении человеческой истории, не так много. Среди значимых нужно упомянуть исследования Л. Аронин и Д. Синглтона [11]. Эти авторы считают, что в настоящее время полиязычие представляет собой качественно и количественно иной феномен, чем раньше, и приводят три аргумента: географический, социальный и медийный. Они утверждают, что с географической точки зрения полиязычие распространено глобально, а не только в контактных зонах; с точки зрения социума оно не локализовано среди определенных социальных групп, а касается всех слоев населения; полиязычие приобрело такие характеристики, как мультимодальность и «мгновенность».

С географическим аргументом можно как соглашаться, так и оспаривать его. С одной стороны, можно сказать, что в колониальную эпоху после Великих географических открытий насаждение языка колонизаторов произошло на значительной части земной территории. С другой стороны, процессы, приводившие к увеличению полиязычных людей и практик полиязычия, такие как вторжения одних народов на земли других, миграции, наблюдались и в доколумбов период. Так, Великое переселение народов с периферии Римской империи, вызванное вторжениями гуннов с востока, стало причиной языковых столкновений между германскими племенами и романизированным местным населением. Очевидно также, что на разных территориях и для разных популяций развитие полиязычия имеет свои особенности. Плотность и разнообразие языков на той или иной территории в мире значительно отличаются. Например, в островном государстве Папуа Новая Гвинея, где проживает около 7,6 млн человек на площади 462 тыс. км², насчитывается более 800 языков, а в Нигерии, где население составляет около 186 млн человек на территории в 923 тыс. км², зарегистрировано немногим более 500 языков [12].

Существование и развитие полиязычия затрагивает разные культуры и общества и группы внутри него в неравной мере. По выражению А. Гуревича, «в обществе всегда существует не какое-то единое „монолитное“ время, а целый спектр социальных ритмов, обусловленных закономерностями различных процессов и природой отдельных человеческих коллективов» [13]. К процессам, оказывающим значимое воздействие на распространение полиязычия, следует отнести мобильность. Социологи указывают, что мобильность становится новой парадигмой для изучения современного общества [14], причиной появления обществ с гибридной культурой, явлений

---

¹ Google trends. URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=all&q=foreign%20language%20skills> (accessed: 02.02.2019).

транслокальности и поли- и трансязычия. Так, очевидно, что в узловых точках глобальной мобильности, таких как Лондон, Нью-Йорк, Дубай и пр., выше концентрация людей, коммуникативный репертуар которых насчитывает несколько языков, и больше разнообразных полиязычных практик, чем в населенных пунктах, не являющихся узлами людской, информационной или товарной мобильности [15]. В глобальных мировых университетах, куда съезжаются студенты и преподаватели со всего мира, неизбежно возникает полиязычная среда, в то время как в соседнем колледже, не затронутом в той же мере процессами интернационализации образования, среда все еще может оставаться преимущественно моноязычной. Эта неравномерность не является чем-то уникальным только для нашего времени. Известно, что торговые пути, такие, например, как Средиземноморье, где велась активная торговля Европы и Леванта, всегда отличались активным полиязычием. Так, именно смешанный язык, использовавшийся в ходе средиземноморской торговли вплоть до XVIII в., стал родоначальником термина «лингва франка».

Разберем «социальный» аргумент. С одной стороны, как мы видим, и раньше, и сейчас, полиязычие было характерно для одних социальных групп и реже встречалось в других. Во все времена оно было распространено в среде образованных людей и элиты. Врачи в Римской империи почти без исключений владели греческим, а в государствах Европы в Средние века – латынью. Эта традиция сохранилась и сегодня. Французский язык долгое время был обязательным для аристократии во многих странах Европы и остается одним из обязательных языков дипломатии по сей день. С другой стороны, в некоторых случаях, в профессиональных кругах полиязычие было распространено в большей мере, чем сегодня. В Римской империи, например, греческий язык был обязательным вторым языком армии [16]. Сегодня такого требования нет. Носители так называемых малых языков чаще используют другие языки, прежде всего языки глобального распространения или региональные лингва франка. И наоборот, люди, владеющие так называемыми языками глобального распространения, часто менее мотивированы к изучению других языков. Сегодня так происходит с носителями английского языка [17].

Что касается аргумента мультимодальности и «мгновенности», то он обусловлен распространением цифровых технологий в наше время. Очевидно, что массовизация полиязычия связана с доступностью информации на других языках. Точками бифуркации для роста распространения полиязычия стали изобретение фонетического алфавита, приведшее к появлению письменности в раннюю эпоху человеческой цивилизации, внедрение книгопечатания в XV в. и распространение цифровых технологий в XX–XXI вв. [18]. Развитие средств коммуникации в каждый из этих периодов приводило к общему росту грамотности, повышало доступность информации для других социальных групп помимо элит. Расширялся и состав грамотности. Если раньше грамотного человека характеризовали навыки чтения и письма на родном языке, то сегодня иностранный язык вошел в состав обязательных требований и практически повсеместно изучается с самого раннего возраста.

Сложно спорить с тем, что доступность ресурсов на других языках, приложений, позволяющих изучать иностранные языки онлайн, не просто неимоверна возросла, но является беспрецедентной для человеческой цивилизации. С другой стороны, растет качество автоматизированного перевода,

внедряются программы, позволяющие моментально переводить устную речь на иностранный язык. Уже сегодня эти программы являются значительным подспорьем в общении без перехода на лингва франка или перевода. Насколько внедрение таких технологий повлияет на распространение и трансформации полиязычия, сказать сложно. Цифровизация приводит и к детерриториализации / транслокальности полиязычия, так как доступ к ресурсам и коммуникации на иностранных языках не привязан к той или иной локации. Интенсифицируются транснациональные связи, которые сегодня, по мнению исследователей, достигли беспрецедентного уровня [19]. Покидая свою родину, люди тем не менее, благодаря технологиям, во многом остаются в привычной им коммуникационной среде. Как пишут Дж. Урри и М. Шеллер, культура в условиях мобильности людей становится гибридной, динамичной, она «больше о дорогах, чем о корнях» (игра слов: «more about routes than roots») [20].

Еще одним фактором, помимо рассмотренных выше, оказывающим влияние на рост полиязычия, является изменение отношения к этому феномену. Можно констатировать, что полиязычие как предмет изучения преодолело ту стигматизацию, которая была характерна для исследований, написанных в русле идеологии моноязычия национальных государств. Если под влиянием идеологии национального государства полиязычие воспринималось негативно, считалось вредным для развития личности, то сегодня исследования говорят о положительных аспектах этого явления. Так, ученые утверждают, что высокий уровень полиязычия положительно влияет на становление поликультурной идентичности, помогает развитию компетенций, необходимых для действий по созданию более стабильного и справедливого мира [21]. Нейронауки также вносят свой вклад в позитивный взгляд на полиязычие. Старение населения ставит человечество перед новыми вызовами, а изучение иностранных языков противодействует деменции, поддерживая мозг в рабочем состоянии и улучшая память [23]. Оказывается, владение иностранными языками положительно влияет на другие способности, например музыкальные [24], или такие качества, как многозадачность и концентрация [25]. Полиязычие положительно воспринимается и широкой публикой, о чем говорит обилие информации о пользе и необходимости изучения иностранных языков.

Меняется и подход к овладению языками. В доренессансный период наблюдается в основном инструментальный подход к владению языковыми навыками, стремления к языковой чистоте и стандартизации языка не фиксируются. В период романтического национализма появляется стремление к моноязычию, языковому пуризму, отделению диалекта от языковой нормы, что обусловлено представлением о неразрывности народа и его языка [22]. Сегодня мы снова наблюдаем рост тенденции к инструментализации, индивидуализации и консьюмеризации полиязычия. Распространение интереса к изучению глобальных языков связано с процессами приспособления членов социумов к ситуации глобального рынка.

Заключение

Исследователи говорят о том, что общество достигло беспрецедентного уровня сложности. Языковые параметры обществ наряду с демографическими, социально-политическими и культурными во всем мире претерпели из-

менения, обусловленные постоянно растущей мобильностью – номадизмом, присущем «текущей модерности» [26]. Мы можем констатировать, что сегодня полиязычие обладает качеством эмерджентности. Оно стало действительно массовым феноменом, трансцендирующим локации и группы населения. Исследователи пишут о появлении «лингваномики», в которой полиязычие рассматривается наравне с такими востребованными «мягкими» навыками, как креативность и предприимчивость [27]. Владение другими языками является товаром, имеющим добавленную стоимость для их носителя [6], или, по выражению П. Бурдьё, обладает символическим капиталом [28], повышающим привлекательность их обладателя с точки зрения работодателя. Можно констатировать, что одним из последствий распространения полиязычия является появление *lingua mundi*, которым стал английский язык, достигший небывалого уровня распространения. В полиязычных сообществах зачастую наблюдается отказ от родного языка в пользу *lingua mundi*. В качестве примера можно привести Южную Африку, где дети под влиянием родителей отказываются от родного для них африкаанс в пользу английского языка, так как родители убеждены, что владение им гарантирует детям лучшее будущее [29]. Хотя в целом полиязычие получает большее распространение в мире, общее количество языков не растет, а сокращается. На данном этапе человеческой истории языки вымирают быстрее, чем животные [30]. Это вызывает озабоченность общественности. Так, неправительственная организация Salzburg Global Seminar приняла в 2017 г. «Зальцбургское заявление в защиту полиязычного мира», призывающее к пониманию важности языкового разнообразия, инклюзивному, недискриминационному отношению ко всем языкам и их носителям и важности изучения разных языков [31]. В целом нельзя сказать, что полиязычие – феномен, характерный для ситуации глобализации второй половины XX – начала XXI в. [32]. Сохраняется и наличествовавшая во все времена неравномерность полиязычия. И хотя языковое разнообразие в большей мере представлено в хабах мобильности, сегодня можно говорить о глобальном уровне распространения полиязычия.

Литература

1. Fitch W.T. The evolution of language. Cambridge University Press, 2010. 624 p.
2. Бурлак С. Происхождение языка : факты, исследования, гипотезы. М. : Альпина Паблишер, 2019. 609 с.
3. Кравченко А.В. Носители языка, родной язык и другие интересные вещи // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2009. № 11. С. 29–37.
4. Skutnabb-Kangas T. Mother Tongue. URL: http://www.tove-skutnabb-kangas.org/en/concept_definitions_for_downloading.html (accessed: 24.01.2019).
5. Pratt M.L. Arts of the contact zone // Profession. 1991. С. 33–40.
6. Edwards V. Multilingualism in the English-speaking world: Pedigree of nations. John Wiley & Sons, 2008. 264 p.
7. Штомпка П. Социология социальных изменений. М. : Аспект пресс, 1996. 416 с.
8. Flores N., Lewis M. From truncated to sociopolitical emergence: A critique of super-diversity in sociolinguistics // International journal of the sociology of language. 2016. Т. 2016, № 241. С. 97–124.
9. Yildiz Y. Beyond the mother tongue: The postmonolingual condition. Fordham Univ Press, 2012. 292 p.
10. Labov W. Language in the inner city. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1972. 412 p.
11. Aronin L., Singleton D. Multilingualism as a new linguistic dispensation // International journal of multilingualism. 2008. Т. 5, № 1. С. 1–16.

12. *Ethnologue*. Languages of the World. URL: <https://www.ethnologue.com/browse/countries> (accessed: 02.02.2019).
13. Гуревич А.Я. Время как проблема истории культуры // Вопросы философии. 1969. № 3. С. 112–113.
14. Cresswell T. The production of mobilities: An interpretive framework // *On the Move*. Routledge, 2012. С. 13–36.
15. Pennycook A., Otsuji E. *Metrolingualism: Language in the city*. Routledge, 2015. 206 p.
16. Adams J.N. et al. *Bilingualism and the Latin language*. Cambridge University Press, 2003. 864 p.
17. Hutton W. Why do we continue to isolate ourselves by only speaking English? // *The Guardian*, 2012. 5 Feb. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/feb/05/will-hutton-learn-foreign-languages> (accessed: 02.02.2019).
18. Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев : Ника-Центр : Эльга, 2004. 431 с.
19. Vertovec S. Super-diversity and its implications // *Ethnic and racial studies*. 2007. Т. 30, № 6. С. 1024–1054.
20. Sheller M., Urry J. The new mobilities paradigm // *Environment and planning A*. 2006. Т. 38, № 2. С. 207–226.
21. Skutnabb-Kangas T., Dunbar R. Indigenous children's education as linguistic genocide and a crime against humanity? A global view // *Gáldu Čála–Journal of Indigenous Peoples Rights*, 1. Resource Centre for the Rights of Indigenous Peoples Guovdageaidnu / Kautokeino. 2010. URL: <http://www.afn.ca/uploads/files/education2/indigenousschoolchildreneducation.pdf> (accessed: 13.03.2019).
22. Касториадис К. Воображаемое установление общества. М. : Гнозис Логос, 2003. 480 с.
23. Craik F.I.M., Bialystok E., Freedman M. Delaying the onset of Alzheimer disease: Bilingualism as a form of cognitive reserve // *Neurology*. 2010. Т. 75, № 19. С. 1726–1729.
24. Krizman J. et al. Subcortical encoding of sound is enhanced in bilinguals and relates to executive function advantages // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2012. Т. 109, № 20. С. 7877–7881.
25. Gold B. T. et al. Lifelong bilingualism maintains neural efficiency for cognitive control in aging // *Journal of Neuroscience*. 2013. Т. 33, № 2. С. 387–396.
26. Бауман З. *Текущая современность*. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
27. Hogan-Brun G. *Linguanomics: What is the market potential of multilingualism?* Bloomsbury Publishing, 2017. 184 p.
28. Бурдые П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. 2005. Т. 2. URL: <http://bourdieu.name/content/burde-o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-jazyka> (дата обращения 02.02.2019).
29. Anthonissen C. Bilingualism and language shift in Western Cape communities // *Stellenbosch papers in linguistics PLUS*. 2009. Т. 38. С. 61–76.
30. Harrison K.D. *When languages die: The extinction of the world's languages and the erosion of human knowledge*. Oxford : Oxford University Press, 2008.
31. Fellows co-create Salzburg Statement for a Multilingual World. URL: <https://www.salzburgglobal.org/news/latest-news/article/fellows-co-create-salzburg-statement-for-a-multilingual-world.html> (accessed: 25.02.2019).
32. Чамкин А.С. Системность коммуникации. Социологический подход // *Системная психология и социология*. 2010. № 1. С. 57–71.

Maria O. Guzikova, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: mariagu@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 49. pp. 114–123.

DOI: 10.17223/1998863X/49/12

MULTILINGUALISM IN MOTION: EVOLUTION OF THE PHENOMENON

Keywords: multilingualism; evolution of multilingualism; emergence.

This article aims to trace how multilingualism as a phenomenon of human culture is changing. Multilingualism is interpreted both as a social phenomenon and as a set of diverse practices of language use. The analysis of factors affecting the quality of multilingualism is carried out in line with the theory of social change. The article considers the geographical, social and media factors affecting the growth and functioning of multilingualism in the diachronic perspective. Despite the uneven spread of

multilingualism, both among social groups and geographically, at the moment it is a qualitatively and quantitatively different phenomenon. Although the human race has been accompanied by multilingualism throughout its history, the emergence of national states has led to the consolidation of the notion of monolingualism as a norm. Today, in a globalizing world, we observe a departure from the monolingual paradigm. Multilingualism is positively perceived by both the general public and researchers. Foreign language proficiency is becoming an essential component of communicative literacy. This applies to the wide sectors of the population, not to the elites and individual social groups as before. The multilingualism of people and societies has increased so much that we can speak about the emergence of a multilingual economy or linguonomics. Not all languages are equally in demand in linguonomics: the so called world languages are more attractive. This phenomenon is criticized as linguistic imperialism. With the introduction of digital technologies, access to foreign language information is exceptionally fast and easy. These technologies, combined with mobility of different types, give rise to a situation of translocality in which the changing language environment remains connected to the native language space. The analysis shows that in the context of globalization multilingualism becomes an emergent phenomenon that produces a systemic effect in a global perspective.

References

1. Fitch, W.T. (2010) *The Evolution of Language*. Cambridge University Press.
2. Burlak, S. (2019) *Proiskhozhdenie yazyka: Fakty, issledovaniya, gipotezy* [The origin of the language: Facts, research, hypotheses]. Al'pina Publisher.
3. Kravchenko, A.V. (2009) Nositeli yazyka, rodnoy yazyk i drugie interesnye veshchi [Native speakers, native language and other interesting things]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 11. pp. 29–37.
4. Skutnabb-Kangas, T. (n.d.) *Mother Tongue*. [Online] Available from: http://www.tove-skutnabb-kangas.org/en/concept_definitions_for_downloading.html. (Accessed: 24th January 2019).
5. Pratt, M.L. (1991) Arts of the contact zone. *Profession*. pp. 33–40.
6. Edwards, V. (2008) *Multilingualism in the English-Speaking World: Pedigree of Nations*. John Wiley & Sons.
7. Sztompka, P. (1996) *Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy* [The Sociology of Social Change]. Translated from English by A. Dmitriev. Moscow: Aspekt press.
8. Flores, N. & Lewis, M. (2016) From truncated to sociopolitical emergence: A critique of super-diversity in sociolinguistics. *International Journal of the Sociology of Language*. 241. pp. 97–124. DOI: 10.1515/ijsl-2016-0024
9. Yildiz, Y. (2012) *Beyond the Mother Tongue: The Postmonolingual Condition*. Fordham Univ Press, 2012. 292 p.
10. Labov, W. (1972) *Language in the Inner City*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.
11. Aronin, L. & Singleton, D. (2008) Multilingualism as a new linguistic dispensation. *International Journal of Multilingualism*. 5(1). pp. 1–16. DOI: 10.2167/ijm072.0
12. Ethnologue.com. (n.d.) *Ethnologue. Languages of the World*. [Online] Available from: <https://www.ethnologue.com/browse/countries>. (Accessed: 2nd February 2019).
13. Gurevich, A.Ya. (1969) Vremya kak problema istorii kul'tury [Time as a problem of the history of culture]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 112–113.
14. Cresswell, T. (2012) *On the Move*. Routledge. pp. 13–36.
15. Pennycook, A. & Otsuji, E. (2015) *Metrolingualism: Language in the City*. Routledge.
16. Adams, J.N. et al. (2003) *Bilingualism and the Latin language*. Cambridge University Press.
17. Hutton, W. (2012) Why do we continue to isolate ourselves by only speaking English? *The Guardian*. 5th February. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/commentis-free/2012/feb/05/will-hutton-learn-foreign-languages>. (Accessed: 2nd February 2019).
18. McLuhan, M. (2004) *Galaktika Gutenberga. Sotvorenie cheloveka pechatnoy kul'tury* [Galaxy Gutenberg. Creation of human print culture]. Translated from English by A.A. Yudin. Kyiv: Nika-Tsent; El'ga.
19. Vertovec, S. (2007) Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies*. 30(6). pp. 1024–1054. DOI: 10.1080/01419870701599465
20. Sheller, M. & Urry, J. (2006) The new mobilities paradigm. *Environment and Planning A*. 38(2). pp. 207–226. DOI: 10.1068/a37268
21. Skutnabb-Kangas, T. & Dunbar, R. (2010) Indigenous children's education as linguistic genocide and a crime against humanity? A global view. *Gáldu Čála–Journal of Indigenous Peoples*

Rights. 1. [Online] Available from: <http://www.afn.ca/uploads/files/education2/indigenousschoolseducation.pdf>. (Accessed: 13th March 2019).

22. Castoriadis, K. (2003) *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshchestva* [Imaginary establishment of society]. Translated from French. Moscow: Gnozis Logos.

23. Craik, F.I.M., Bialystok, E. & Freedman, M. (2010) Delaying the onset of Alzheimer disease: Bilingualism as a form of cognitive reserve. *Neurology*. 75(19). pp. 1726–1729. DOI: 10.1212/WNL.0b013e3181fc2a1c

24. Krizman, J. et al. (2012) Subcortical encoding of sound is enhanced in bilinguals and relates to executive function advantages. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 109(20). pp. 7877–7881. DOI: 10.1073/pnas.1201575109

25. Gold, B.T. et al. (2013) Lifelong bilingualism maintains neural efficiency for cognitive control in aging. *Journal of Neuroscience*. 33(2). pp. 387–396. DOI: 10.1523/JNEUROSCI.3837-12.2013

26. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.

27. Hogan-Brun, G. (2017) *Linguanomics: What is the market potential of multilingualism?* Bloomsbury Publishing.

28. Bourdieu, P. (2005) O proizvodstve i vosproizvodstve legitimnogo yazyka [On the production and reproduction of a legitimate language]. *Otechestvennye zapiski*. 2. [Online] Available from: <http://bourdieu.name/content/burde-o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-jazyka>. (Accessed: 2nd February 2019).

29. Anthonissen, C. (2009) Bilingualism and language shift in Western Cape communities. *Stellenbosch papers in linguistics PLUS*. 38. pp. 61–76. DOI: 10.5842/38-0-48

30. Harrison, K.D. (2008) *When languages die: The extinction of the world's languages and the erosion of human knowledge*. Oxford: Oxford University Press.

31. Salzburgglobal.org. (n.d.) *Fellows co-create Salzburg Statement for a Multilingual World*. [Online] Available from: <https://www.saltzburgglobal.org/news/latest-news/article/fellows-co-create-saltzburg-statement-for-a-multilingual-world.html>. (Accessed: 25th February 2019).

32. Chamkin, A.S. (2010) Sistemnost' kommunikatsii. Sotsiologicheskii podkhod [Systematic communication. A sociological approach]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya – Systems Psychology and Sociology*. 1. pp. 57–71.